

К. Д. Саушкина
КАЛЕЙДОСКОП ДУШИ...

(к публикации подготовила О. А. Пыжьянова)

Кристина Саушкина – художник, поэт, педагог. Её творческий путь начался в 1995 г. – в период обучения в детской художественной школе состоялась её первая персональная выставка, были написаны первые стихи. Уже тогда зрителям открылась душевная щедрость незаурядной творческой личности. О своём индивидуальном видении и восприятии мира Кристина постоянно ведёт разговор со зрителями: выражает свои впечатления, мысли, чувства, ощущения в зримых образах на холсте и бумаге, в рифмах стихов и в автобиографических записях. Эти записи, позволяющие приблизиться к пониманию творчества Кристины, представлены в настоящей статье.

Автобиография

Родилась я в 1981 г., 30 января, в России, на п-ове Камчатка, в пос. Оссора Карагинского района Корякского автономного округа. Мама – Валентина Васильевна Сталбун (по профессии технолог по обработке рыбы) и папа – Дмитрий Владимирович Саушкин (слесарь по специальности) сразу же после моего рождения увезли меня на о. Карагинский. В то время там жили восемь рыбацких семей. Мама с папой охотились в тундре, несли вахту на маяке. Моим воспитанием и уходом за мной занималась бабушка – Маргарита Дмитриевна Сталбун.

Несмотря на ранний возраст память моя жадно впитывала увиденное и прочувствованное в эти три первых года моей жизни. Я отчетливо помню тот островной воздух с запахом морской капусты, терпким ароматом тундры, помню крики чаек и хруст ракушек под ногами: мы с бабушкой часто гуляли по песчаному берегу, собирая эти самые ракушки, вместе стояли на каком-нибудь поросшем багульниковом и брусничной холме и глядели на наползающий в тундру туман. Потом брели домой с полными грибов узелками и корзинами...

Вкус варенья из морошки, сосредоточенное лицо отца, вырезающего из кости морского животного или из какого-нибудь капа очередную поделку – маску или статуэтку (сейчас резка сувениров – его основной промысел)...

Мама с первых моих шагов учила меня видеть. Она не только показывала мне вещи, сообщая их названия и функции, – требовательно и терпеливо обращала моё внимание на то, какие они. Учила любоваться формами предметов и существ, различать оттенки цветов... Переменчивые тона пасмурного неба, огни нашего посёлка в тумане, ворох цветных лоскутков от старых бабушкиных платьев, хитроумный узор на обоях – вот куда можно было уйти и не возвращаться часами.

Позже, когда мы вернулись и поселились в Елизово (нужно было думать о моём образовании), я долго не могла вклиниться в среду сверстников, и друзья у меня появились довольно поздно – после школы. Зато были книги (Толкиен, Дж. Даррелл, Кэрролл, Экзюпери, С. Кинг, Стругацкие, Кастанеда, поэты Японии...), целая уйма домашних животных (они жили в разное время, но иногда их было действительно много: несметное количество кошек, воробьи, голубь, заяц, крыса, индоутка, черепаха, две собаки, 11 аквариумов и т. д.), мешок бисера, странствия по окрестным лесам в одиночку, творчество без ограничений и бездна свободного времени.

Мои первые творческие поиски (пятна, краски, закорючки, линии и кружочки; позже – бабочки, птички и зверюшки, неуклюжие орнаменты) семья понимала и поощряла. По материнской линии никто из нашей родни не занимался изобразительным искусством. В конце девятнадцатого века прадедущка Фёдор со своей огромной семьёй переселился с Украины в Сибирь, на Алтай. Сталбуны были целителями-травниками. Так этот дар Божий, отринутый дедушкой (Василий Фёдорович Сталбун), нашел своё воплощение в моей тёте, родной маминной сестре Наталье Васильевне – мастере рефлексотерапии, мануальной терапии, фитотерапии и акупунктуры. Огромную роль в моём духовном воспитании сыграло общение с ней, её стихи.

Папа покинул нашу семью, когда мне не было и пяти лет. Сейчас он живёт в посёлке Сосновка, режет из дерева сувениры, выжигает на кости свои фантазии и всё это продаёт иностранцам. У меня есть младшая сестра Полина – очень талантливая девочка. Она и рисует, и бисером вышивает, и танцует, и пробует играть на гитаре... Очень весёлый, лёгкий человечек. О родственниках по папиной линии я почти ничего не знаю. Известно мне лишь, что живут они в Нижнем Новгороде, что дедушка мой – военный, лётчик-испытатель, а прадед был основателем и владельцем крупного банка в Нижнем же...

Однажды мама мне призналась, что всегда хотела, чтобы её ребёнок стал художником. Когда в 1996 г. я закончила девятый класс, мама два года посвятила накоплению денег для продолжения моего обучения на материке, теперь уже спецпредметам. Пять лет непрерывно ходила в рейсы, пока я училась. Её понимание, терпение, вера в мой успех всегда были со мной. Между тем, она никогда не заставляла. Если у меня что-то не клеилось, а в душе начинались метания, она просто позволяла ветру стихнуть, словно знала, что всё будет хорошо, что я сама найду нужное решение и выберусь из любой ямы.

Мы всегда путешествовали по красивым диким местам Камчатки, и я долгое время просто представить себе не могла, что когда-нибудь покину эти места. Даже сама мысль о жизни в каком-нибудь далёком городе без окружения родных сопок и вулканов, без чистого воздуха внушала тоску и скуку.

До семи лет творчество не знало «разумных границ» – под инструменты для рисования попадало всё – от бабушкиных тетрадок с учетными записями и книжек до обоев. И вот бабушка, вдоволь насмотревшись на мою «пещерную живопись» на стенах собственной комнаты, собрала все свои тетрадки с моими каракулями и впервые привела меня на порог елизовской ДХШ (1986 г.). Михаил Александрович Лузин, открывший нам дверь, очень вежливо просмотрел (не пролистал, а именно просмотрел) все тетради от корки до корки, но всё же отправил нас с бабушкой «расти дальше».

В 1988 г. начинаются школы. Средняя общеобразовательная и художественная. Тогда я попала в группу к художнику Валерию Фёдоровичу Крутову. Все там были старше меня года на три, я казалась себе медлительной и неаккуратной, поэтому осторожно спряталась в свою ракушечку, откуда поглядывала на старших ребят с опаской. Валерий Фёдорович запомнился мне человеком очень энергичным. Из-за своей чрезмерной ранимости я очень часто замыкалась в себе, до слёз обижалась на его замечания. Устав чувствовать себя насекомым (старшие больше умели и быстрее соображали, посмеивались над моей неуклюжестью), я, отучившись год, ушла. За три года «отдыха» мама пыталась устроить меня в различные кружки: на танцы, художественную гимнастику, дзю-до, в воскресную школу – нигде мне не удалось прижиться из-за обидчивого характера.

В 1992 г. я вновь вернулась в ДХШ. На этот раз я попала к Михаилу Александровичу Лузину. На этот раз «доросла». Но теперь учеба была в радость. Да и не учеба это была, а какое-то невероятное приключение, полное открытий. Михаил Александрович щедро делился секретами графических и живописных техник и давал столько свободы действия, сколько мне было нужно для самовыражения. Он никогда не диктовал, никогда не заставлял. Он просто позволял мне быть и учил делать это бытие красивым. Уютная, не школьная, а скорее домашняя атмосфера, запах красок, новые техники и – уже не насмешки и взгляды свысока, а уважение сверстников – вдохновляли и подгоняли вперёд. Как-то, классе в третьем, Михаил Александрович написал карандашом на кусочке серого картона (серое на сером – едва разберёшь!) три волшебных слова формулы выразительности: «вижу, мыслю, чувствую». Эта едва различимая надпись глубоко врезалась в мою память.

К концу обучения, через четыре года, Михаил Александрович неожиданно предложил мне устроить выставку. Так в 1995 г. в Елизовском краеведческом музее весной состоялась моя самая первая персональная выставка, где были представлены живопись, графика и стихи, созданные за весь период учёбы в ДХШ. В этом же году состоявшаяся выставка «перекочевала» в малый зал областного художественного музея на Ленинской улице в Петропавловске-Камчатском, где подарила мне настоящих друзей (творческая молодёжь из педагогического университета) и знакомство с поэтом Владимиром Нечаевым.

После – ещё год в ДХШ – дополнительно. Подготовительный (ведь нужно было поступать куда-то дальше). 1996–1997 гг. – это участие во «взрослых» областных выставках, стихотворных конкурсах.

В 1998 г. мы с мамой покидаем Камчатку для продолжения моего образования. Путь наш лежал на землю предков – в Сибирь, в Алтайский край. Помню, ехать мне совсем не хотелось. Перспектива прожить четыре года так далеко от дома, где тебя никто не знает, ты – никого, пугала. Здесь мама меня оставляет под присмотром тётки Марии Михайловны Дядечко и улетает домой. Тётушка со мной не слишком нянчилась, да и обузой на чьих-то плечах совсем не хотелось быть – нашли мне хозяйку (студенты в Новоалтайске все жили на квартирах у старушек). Так я поступила в Новоалтайское государственное художественное училище на отделение «графический дизайн». В 1998 г. в НГХУ директорствовал Борис Никитович Лупачев, художник-график, член Союза художников. В том году набрали всего одну группу, и нас, 14 человек, сделали группой экспериментальной, т. е.

обучающейся по специальной институтской программе, ввёл которую профессор графического дизайна, член СХ Владимир Александрович Раменский.

Рисунок и живопись вёл молодой преподаватель Дмитрий Александрович Петренко, работавший в училище после окончания Владивостокского института искусств.

Первый курс был и сложным и лёгким. Лёгким в плане учёбы – что-то я всё-таки умела, когда другие только-только начинали это всё для себя открывать, да и преподаватель был человек мягкий, сам недавно вышедший из студенческой среды. Самая яркая сцена первого курса с участием Дмитрия Александровича – игра в снежки всей группой под окнами мастерской. Это было настоящее «ледовое побоище». Дмитрий Александрович потом получил от директора, но зато мы выбесились от души. Как человек творческий, Дмитрий Александрович не стремился нас загружать, подавлять учебой. Мне он запомнился очень лёгким и приветливым человеком. Мастерство осваивалось играючи, домашние задания делались с удовольствием. Это было что-то вроде соревнования – кто во что горазд. И мы уж совсем было подружились с нашим педагогом, как вдруг... Так же легко и играючи он помахал нам ручкой на прощание в конце года, когда открыл персональную выставку, «раскрутился» и стал тем, кем, как мы всегда подозревали, он мечтал стать – свободным художником.

Сложным год стал из-за моей некоммуникабельности и замкнутости. Другие люди, другая природа. Алтай – это огромное плоское пространство (о том, что есть ещё горный Алтай, я узнала позже) с таким недосягаемо-высоким небом, что дух захватывает. Огромные деревья, не чета нашим, тянулись в это небо раскидистыми куполами крон. Всё незнакомое, всё чужое, всё до головокружения огромное. Люди, в отличие от наших – суматошных, спонтанных, ни к чему не привязанных, живущих сегодняшним днём, и словно ветром несомых по жизни, – так вот люди на Алтае мне показались неторопливыми, основательными, «земными». Жили в огромном крае, вели образ жизни размеренный и степенный.

Первые полгода мне всё вулканы на горизонте мерещились, тоска съедала смертная по маме, по друзьям, по берёзкам нашим сказочным. В конце концов надоело мне скучать и мучиться и вообще чувствовать себя дикарём, и я решила: раз уж жить мне здесь предстоит годы, то почему бы не прожить их интересно и с пользой? И я стала больше присматриваться к людям, их быту и поведению. А люди-то оказались интересные! Одна наша группа чего стоила! Каждый студент в нашей группе был уже изначально талантлив и уже интересен как личность, каждый так сильно излучал ауру своего внутреннего мира, что мы ходили гордые и воодушевлённые, тем более, что учителя нас очень любили и как-то по-особому нас выделяли среди остальных. И вот тут-то начались первые трудности. Ушел Петренко, а на его место явился преподаватель властный и требовательный – Борис Георгиевич Босько. И тут выяснилось, что никакие мы не личности, а обычные среднестатистические лодыри, возмнившие о себе Бог знает что. И тут выяснилось, что прежде чем начать что-нибудь из себя представлять, нужно долго и упорно вкалывать, а не только иметь хорошие данные.

И мы стали вкалывать. «Вкалывать» – это вечерний рисунок, 63 наброска и 4 зарисовки в неделю, плюс этюды. Долгое время ничего не получалось: оси разъезжались, пропорции ввали. Борис Георгиевич очень редко был чем-то доволен. В изобразительном мастерстве он придерживался строгого академизма, правильности и выверенности.

И вот – конец второго курса. Мы – с «пенной у рта», раздавленные авторитетом Бориса Георгиевича, но зато немного умеем. Как мало мы умеем...

Здесь нас опять «бросили»: кроме нашей группы, Борис Георгиевич вёл ещё свою, а в конце учебного года педагогический коллектив предложил ему взойти на пост директора НГХУ.

Третий год обучения стал крахом для моих сокурсников и творческим (не учебным, а именно творческим) подъёмом для меня. Только что приехавший из Владивостока преподаватель Сергей Павлович Пашков, человек очень яркий и интересный, свободолюбивый, а потому не очень настойчивый, после той нашей гонки за качество путём количества ослабил прыть группы, пытаясь обратить наши взоры на чувственную сторону изобразительного искусства. Его школа требовала не правильности, а выразительности. Из серых, «замыленных» и измученных работ стало получаться что-то иное. Откуда-то начал появляться цвет! Сначала он очень неуверенно пробивался сквозь слои тусклых замесов, но в конце года работы напоминали винегрет...

...Сильная группа гибла на глазах. Чрезмерная свобода вела в тупик. Расслабившейся, а потому сильно отставшей группе нужен был новый преподаватель. Им стал Пергильды Довлетович Широков.

Требовательный, но мягкий, строгий в учебном плане, но глубоко переживающий за каждого, он терпеливо вывел нас из этого упадка, каждому помог встать на нужную колею.

Я долго не желала перестраиваться. Однажды, после очередного просмотра рисунка и живописи, педагогический коллектив вызвал меня «на ковёр». Такая вот сцена: у одной стены ряд мольбертов с нашими постановками, у другой – педкомиссия. Человек десять. Завуч, директор... Посередине – треножник с моей живописью: обнажённая натура в полный рост со спины. Техника выполнения – широкий мазок, откровенный и резкий контраст. Мозаика, в общем. Церковный витраж. Лоскутное одеяло. Цирковая афиша... Обзывались долго. Всё, что угодно, только не живопись... Ушла с гордо поднятым хвостом: столько внимания! Искусство должно вызывать эмоции, так ведь?..

Спустя время о многом я стала думать иначе.

А пока первые полгода мы с Пергильды Довлетовичем просто воевали. В рисунке он до тошноты требовал «скоблить» каждый мускул, каждую косточку. В живописи – писать тонко и гладко, «вкусно и правильно». Это его стремление к идеальному и совершенному раздражало до жути. Однажды я схватила мастихин и располосовала им огромный холст с почти уже написанной постановкой прямо у него на глазах. Куски сырой краски, жирным слоем намазанные на этот холст, летели во все стороны. Учитель после такой выходки отправил меня за дверь, и мы не виделись неделю. «Ну, всё, – думала я, – это конец». Очень было потом стыдно. А когда про маму вспомнила, совсем уж стало невыносимо. Очень многое за эту неделю осозналось и пересмотрелось. И вот с повинной головой я появляюсь на занятиях, прошу прощения, кладу на стол пачку зарисовок, поднимаю взгляд... и вижу ликующую, едва сдерживаемую радость в глазах учителя. С тех пор мы сотрудничали мирно.

Очень хотелось бы рассказать о Горном Алтае, где мне довелось пленэрить. Да разве об этом расскажешь так, чтобы за душу взяло, потрясло воображение? Письменность – не то средство, чтобы выразить такое. Вот места, где подлинно ощущаешь себя песчинкой Божьей среди первозданного, необъяснимого великолепия...

В Горном довелось побывать два раза. Оба раза – увязавшись с чужими группами. Первый раз увлекло любопытство: я должна была это увидеть! Так произошло знакомство с Каракольскими озёрами, затерянными высоко на горном плато и славящимися тем, что воды в каждом из семи озёр были разные по цвету. Второй раз я поехала туда уже потому, что влюбилась в эти места без памяти. На этот раз местом пленэра стала горная деревня Верхний Уймон, славная своими бревенчатыми строениями, двумя музеями Рериха (в своей знаменитой экспедиции к Гималаям он держал путь через эту деревню) и осевшими здесь «рериховцами» – последователями духовного пути знаменитого художника и великого Гуру.

2002 г. Июнь. Долгожданная защита диплома. И всё?! Столько всего было и – конец?! Работа над дипломным проектом идёт вяло. Неужели всё закончилось? Защита, покупка билета, возвращение домой... И всё?! Чудовищная недосказанность. Слово что-то осталось мной не выражено, что-то мной недовзято. На свой страх и риск я не появляюсь на защите (к тому же и треть дипломной работы сделать не успела, а так хотелось всей выложиться, показать класс, услышать это заветное «ах!» и удалиться таким героем). Заявляю маме, что остаюсь ещё на год и переселяюсь со всех глаз долой в частный сектор Бажово, к нищей бабушке в избушку, где за приют таскаю уголь, убираю в доме, вожу воду из колонки и машу ползими лопатой, параллельно продолжая вечерами делать свой диплом. Жизнь в сибирской деревне зимой – не сахар. Поголодать мне не дали, зато пришлось помёрзнуть, потерпеть неудобства. Мамина контора задерживала переводы – жить помогала подруга Татьяна да добрые деревенские бабушки. Я им открытки поздравительные для их родственников рисовала, они меня мешками картошки, морковки, банками огурцов благодарили.

Найти работу приезжему человеку, студенту без прописки и ИНН, со старым паспортом было делом проблематичным. Даже картинки в салон не брали. Там было так: если ты студент, то выше, чем за столько-то, не продашь, а уж если ты не местный, то и делать тебе здесь нечего. А у меня тут ни связей, ни друзей влиятельных нет, вот только Танюша – из каких только передраг мы с ней не выбирались! – да та на три курса младше, сама студент неустроенный. Родственники... тётушки в летах, у них дети, внуки...

Неожиданно появилась работа. Спасибо Марине – в самый тяжкий момент эта моя дальняя родственница, тоже, оказывается, живущая в Бажово да на соседней улице, появляется в поле зрения и протягивает руку помощи. Марина работала в ДК уборщицей за 500 р. в месяц. Меня туда взяли за такую же плату художником-оформителем. 500 р. – это самая низкая зарплата. Делать было нечего,

устроилась. По Таниным документам. Холод, одиночество, пары ядовитой краски, разъедающей лёгкие...

За всю учебу квартир десять я сменила, но ни одно жильё не сравнится с тем, куда я вошла за пять дней до Нового года. Небольшая комната без хозяйки на первом этаже маленькой общаги. Потолок и стены белые и полное отсутствие какой-либо мебели. За неделю пустые стены обросли полками (самая лучшая мебель – это гвозди), а соседи принесли диван. Очень миленькая хатка получилась. Тут я и обитала до самой защиты.

Пришла весна. Я вернулась в училище уже совсем другим человеком. Уже в чужую группу. Руководитель – Аркадий Викторович Казанцев, преподаватель дизайна и компьютерной графики. Его группа трудилась над разработкой фирменного стиля, куда входили визитка, плакат, буклет, фирменный конверт, знак и набор логотипов. Мой проект – книга – представлял десять планшетов графического материала, выполненного вручную с объёмными разворотами и вставками. Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье». Техника – тушь, перо. Черное и белое.

В списке защищающих дипломы я стояла предпоследней. Усталость и лёгкость. Так всё не важно на самом деле! Безразличие к реакции собравшихся, когда вынесли мою годовую работу – ну, «ах», приятно, и что? И всё! Невероятное чувство свободы!

С сентября 2003 г. я работаю в детской художественной школе города Елизово, куда меня принял в качестве педагога Михаил Александрович Лузин. Работа интересная и познавательная. Никогда не бывает скучно. К формуле «Вижу, мыслю, чувствую» добавила «помню». В свободном творчестве работаю в жанрах «классический пейзаж» и «фэнтэзи». Техники: масляные краски, акварель, тушь, перо, карандаши простой и угольный, пастель, перламутровые пасты... Стили... все стили хороши. Любимые художники: Врубель, Рерих, Шишкин, С. Дали, Климт, Ван Гог, Тулуз-Лотрек, Куинджи, Репин, Суриков, Грабарь, прерафаэлиты, японские акварелисты, Леонардо да Винчи, Фешин, Ренуар...

13 февраля 2005 г. своим талантом и трудом Кристина постоянно стремится раздвинуть границы возможного: преподавание в детской художественной школе, непрерывная творческая работа, участие в крупных выставках и поэтических сборниках, иллюстрирование художественных книг и оформление фотоальбомов. Произведения Кристины – выразительные и эмоциональные, наполненные индивидуальностью художницы, зрители регулярно видят на выставках Камчатского отделения Союза художников России, на традиционных краевых выставках «Педагог-художник», «Педагог и ученик», а также на персональных выставках. В 2007 г. Кристина была принята в члены Союза художников России. В 2013 г. в издательстве «Камчатпресс» вышел её авторский сборник «Дом с витражами», который начинается четверостишием:

Сознание – калейдоскоп души.
Она, творя узорья, в танце кружит –
Чтоб бабочкою биться в витражи.
Но не они влекут, а свет снаружи (1).

В поэтическом творчестве Кристины проявляется сильное влияние символизма. Символизм, а также сюрреализм, модерн, абстрактный экспрессионизм как жанры живописи были представлены художницей и в произведениях, экспонировавшихся на персональной выставке «Полёт в Невероятное», которая прошла в Камчатском краевом художественном музее в 2012 г. Выставка не имела тематических рамок. Её работы были обращены к чувствам, мыслям, фантазиям зрителей. Центральное место отводилось серии «Ощущения»: «Запах мокрого снега», «Начало», «Предчувствие», «Население сновидений», «Взмах», «Мимолётность», «Полёт в Невероятное».

Своё собственное художественное кредо Кристина изложила «свободными мыслями».

Несколько свободных мыслей о своём изобразительном творчестве

Картины нужно смотреть, а чтобы увидеть – нужно чувствовать. А иногда достаточно просто любоваться поверхностью (цветом, формой, фактурой мазка), не ища никакого смысла. Мир красив и удивителен разнообразием деталей (существ, явлений, событий, ландшафтов, форм и состояний), а не наличием смысла.

Работать люблю в разных стилях, импровизировать, совмещать техники исполнения.

Есть люди, которые считают, что картина – картина, если там трава зелёная, если там верх – это верх, а низ – это низ. Если там всё подчиняется логике вещей. Но ведь в таких картинах нет вызова! Это все равно, что спать и видеть сны обо всём понятном и избитом. Картина должна потрясать, вселять надежду, будить веру, любовь.

«О как красиво!.. А что это?» Что? Неважно. Поверьте. Красиво? – спасибо за понимание. Так что же? Формы. Ритмы. Цвета. Чувства.

Что выражает узор на крыльях бабочки? Какой смысл в ярком пятнышке блика на капельке утренней росинки? Душа и сердце.

Язык картины молчалив, но если кто-то вдруг услышит музыку оттуда или нечаянно окажется внутри, прямо посреди вечерних благоухающих трав, и если они вдруг зашевелятся от дуновения ветра – значит, вы увидели.

Хочу, чтобы творчество украшало жизнь, гармонизировало с ней, делало её лучше. Моё творчество рождается из любви к жизни и ради неё. Поэтому я против позиции тех художников, что копят и прячут свои произведения, сидят на них, как Кощеи на золоте. Я не стесняюсь продавать картины и расстаюсь с ними легко – ведь они украсят чью-то жизнь, а мою обогатят новыми возможностями. Это – мои крылья. Это – моё существование. Я не нуждаюсь в самовыражении, как не нуждаются в самовыражении радуга или цветок. Они просто есть. Такие. Форма существования у них такая. А если этим кто-то любит, так это ЗДОРОВО! Чья-то жизнь становится насыщеннее и ярче! Если мне удалось сделать чью-то жизнь ярче – это чудесно. Но я просто выполняла своё предназначение, делала своё дело. Делала его с любовью и открытым сердцем. Не важен сюжет, важно настроение. Хороша та картина, что обладает выразительностью, которую составляют три элемента: чувство, мысль и мастерство.

Пусть каждый, кто смотрит, увидит в моих картинах то, что захочет увидеть, и придаст тот смысл, который считает нужным придать. Я уже была творцом, когда всё это делала, пусть теперь им будет зритель...

2012 г. потребовал от художницы огромной творческой самоотдачи: Кристина стала участницей выставки «Край Камчатский» в городе Хабаровске, организованной Камчатским отделением СХР, её произведения были представлены на краевой выставке «Педагог-художник», она подготовила две большие выставки, которые состоялись в Камчатском краевом художественном музее. Это персональная выставка «Полет в Невероятное» и коллективная – «Калейдоскоп».

Выставка «Калейдоскоп» была организована в честь 40-летия Елизовской детской художественной школы. Благодаря школе, ставшей центром притяжения творческих людей, в Елизово сформировалась особая художественная среда. Елизовские художники – люди разных поколений, работают в различных видах и жанрах изобразительного искусства. Они представили на выставку около двухсот произведений изобразительного и декоративно-прикладного творчества. В экспозиции, как в калейдоскопе, перед зрителем сплелись в единый узор традиция и творческий эксперимент, реальность и мир фантазии, декоративность и академизм. Напряженный труд по подготовке выставки осуществила Кристина.

В совместной работе с Камчатским краевым художественным музеем над выставочным проектом «История одной сбывшейся сказки» проявился дизайнерский талант Кристины. Проект посвящался творчеству камчатского самодельного художника Владимира Столярова, автора серии графических работ, выполненных по мотивам устного фольклора народов Камчатки и Чукотки. В своих рисунках он создал художественный образ мира северных сказок. Чтобы передать этот образ зрителям, было задумано создать «сказочное пространство» в формате 2D. Кристина разработала эскизы оборудования и художественного оформления такого выставочного формата. Воплощенный по этим эскизам выставочный проект был представлен на конкурс на Первом форуме музеев Дальнего Востока «Музей – открытая книга для всех», проходившем в г. Хабаровске в 2014 г. и был удостоен диплома II степени.

Приведённые в статье тексты Кристины хранятся в методическом архиве Камчатского краевого художественного музея. Среди её авторских записей есть несколько лаконичных строчек, обращенных к глубинам души зрителей.

Неоднозначность видимого

Вот – лужа. А в ней... грязь или звёзды?

А в ней – то, что Ты Сам желаешь там увидеть...